

Владимир МАЗАЕВ

Провинция есть тайна

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

ской) очень даже отчего-то занимательно.

И я веселюсь риторическим вопросом: не ставят ли себя авторы открытиями этими "дерзкими" в положение мышки, привязывающей колокольчик спящему коту — "светочу современной философии", угрюмо создавшему миф о флегматичности уездной, "усадебной" России?

Да, миф оброс мхом, он существует, но существуют и архивные папки, которые говорят об обратном. Убийства из ревности. Самоубийства из-за отвергнутой любви. Надругательства над изменницей. Прочие страсти—мурдасти. Флегматичностью и не пахнет.

И над всем этим далеким от просвещенных столиц миром, над "кружевами" людских страстей и хитросплетений — мятущаяся, впечатлительная натура Достоевского в мундире штрафника — с красными погонами и красным стоячим воротничком... Наконец все позади: и избавление от солдатчины, и унизительное соперничество с "мальчишкой", уездным учителем Вергуновым, и победа над ним, и прекрасное венчание в церкви города Кузнецка, и долгожданный, выстраданный отъезд в Россию.

Но когда, счастливый и умиротворенный, он едет в коляске с дремлющей на его плече любимой женщиной, женой, он, великий знаток человеческой души и прорицатель, не знает, что в какой-то версте позади следует "побежденный", и жена тайно шлет ему записки: где они остановятся, где заночуют...

Эта жалкая комедийная коллизия находит продолжение в Перми, где супруги Достоевские останавливаются. Позже — во Владимире, где они решают жить. Супруг по делам часто отлучается в Петербург, позже — за границу. Этот штрих тоже комедийного ряда, если глядеть со стороны...

Вернувшись как-то из поездки раньше обычного, он буквально в дверях комнаты,

где лежит больная жена, сталкивается с учителем Вергуновым! Можно представить изумление супруга и его праведный гнев.

Взбешенный, на грани эпилептического припадка, вбегает он к жене. Та уже поняла: случилось ужасное... Какие слова находит он, непревзойденный словотворец? Что та, которую он вместе с ее малолетним сыном увез от нищеты, размазала его, как тряпку? Что сам он — слепец, считавший ее любящей и преданной женой?.. А что же виновница "грозного чувства"? Что могла сказать ему она, уже неизлечимо больная, только что простившаяся с любимым человеком, который любил ее — отчаянно и безнадежно — до последних ее земных дней? Схитрить? Заломить руки в горьком покаянии? Она была умной, горделивой, "с недюжинным интеллектом женщины" (слова Достоевского). И она, не то защищаясь, не то нападая, а скорее — от смертельной затянутости узла, бросала ему в лицо: да, я полюбила его... до нашего еще венчания!.. Если бы не нужда проклятая... руку толкнула... принять твоё... подаяние!.. У тебя нет сердца! Ни одна порядочная женщина не могла бы полюбить бывшего преступника! Ты не человек — дьявол... Его обожгло вдруг ощущением — он снова на Семеновском плацу, на эшафоте, в глазах — черная духота савана, а щелчки взводимых ружей отщелкивают ему его последнюю предсмертную минуту... В своей книге дочь Достоевского пишет: "С растерзанной душой он слушал безумную исповедь жены... Он был охвачен ужасом перед Марьей Дмитриевной, покинул ее и бежал в Петербург к своему брату... Ему было сорок лет, и он еще не был любим".

Однако если тут припомнить некстати, что "где-то в дальней—далней Мексике" у него полыхает эмоциональнейший, на грани фола, роман с Апполинарией Сусловой, то... "прилье язык к гортани моей..."

15 апреля 1864 года Достоевский пи-

шет брату: "Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что и не знаю, кто бы мог не примириться с ней".

Так вот. Сдержанно. Смиренно. По-христиански.

Более углубленные мотивы и оценки, документальные источники, приближающие нас к "имевшей быть" великой жизненной трагедии великого человека — на страницах "Провинциальных загадок", а также в повестях и письмах самого Достоевского.

Многие разгадки в сплетениях людских судеб, оказавшихся в "кузнецкой орбите" писателя, возникли — по признанию авторов — на граних таинственного предчувствия. Счастливого, я бы сказал, предчувствия. Не это ли обстоятельство придало книге повествовательную художественность и даже mestами этакий психологический шарм?.. Хочу подчеркнуть, расследование идет строго "на документе", отталкиваясь от документа, проникая в его "закулисную" суть. И при всем том страницы абсолютно не пахнут пылью веков. О горах перелопаченных авторами архивных папок напоминает в конце глав лишь густой шлейф ссылок на источники.

ПОСТСКРИПТУМ. Я намеренно упомянул год издания книги М. Кушниковой и В. Тогурова — 1996-й. Три года живет книга, но ни рецензент, ни обозреватель, ни румянный бородатый критик мой "не заметили" ее, не обратили на нее внимания читателя. Хороших, добротных книг, заставляющих думать, сопереживать, шевелить роликами, и всегда-то не хватало. А в наше время и подавно. Что же случилось с нами? Неуж мы и в самом деле так ленивы и нелюбопытны? Или это тоже загадка провинции?..